

И. С. ВДОВИИ

ВАЕГСКИЕ ЧУКЧИ

До настоящего времени остаются недостаточно полно изученными отдельные территориальные группы чукчей, локальные особенности их материальной и духовной культуры. Лишь в общей форме известны языковые особенности этих групп. Еще меньше изучены антропологические отличия одной группы от другой.

Чукчи издавна занимают огромную территорию, хотя их численность, по крайней мере на протяжении последних трех веков, по-видимому, не превышала 12—13 тыс. чел. Расстояние от крайних точек их расселения на востоке и западе исчисляется более чем в 1600 км, а на юге и севере — в 1100—1200 км. На этих огромных пространствах, естественно, образовались территориально обособленные группы чукчей. Продолжительность такого обособления привела к развитию отличительных черт в материальной и духовной культуре, а также в языке. Заметное влияние на развитие локальных особенностей культуры чукчей оказывали длительные контакты их с другими народностями Крайнего северо-востока. Для некоторых групп чукчей истоки таких особенностей более или менее ясны. Так, например, материальная культура морских зверобоев (побережий Ледовитого и Тихого океанов), а вместе с ней и некоторые элементы духовной культуры заимствованы чукчами от азиатских эскимосов¹. Эти связи с эскимосами уходят в глубокую древность.

Образование одной из таких групп чукчей происходило в сравнительно недавнее время. Многие важные обстоятельства этого явления зарегистрированы в русских документах XVIII—XIX вв. Это дает возможность проследить условия формирования отличительных особенностей группы, условно названной нами ваегской (по месту основного расселения). Сопоставление некоторых элементов материальной и духовной культуры и языка ваегской группы с материальной и духовной культурой и языком других групп чукчей дает достаточно полный материал для установления отличительных особенностей этой группы чукчей от основной массы их соплеменников. Выявление этих особенностей представляется важным для более глубокого и всестороннего изучения культуры чукчей в целом.

* * *

К середине XVIII в. р. Анадырь служила южной границей расселения чукчей и северной границей расселения коряков. Верхнее и среднее течение Анадыря с притоками, до впадения в него р. Тапюрэр было заселено юкагирами, которые жили в непосредственном соседстве на юге

¹ См. В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I. Л., 1934 и ч. II—Л., 1939; И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.—«Сибирский этнографический сборник», III, М.—Л., 1961.

с коряками, а на севере с чукчами. По сохранившимся архивным материалам, оленные коряки не переходили Анадырь, а кочевали со своими стадами оленей южнее этой реки по правым ее притокам Майн, Великая и др. В свою очередь и чукчи не переходили на южный берег Анадыря из опасения попасть на чужую территорию. Никаких упоминаний о том, что чукчи кочуют южнее р. Анадырь в документах до середины XVIII в. не встречается. Особенно отчетливо границы расселения коряков и чукчей подчеркивались с начала XVIII в., когда отношения между этими народами обострились. Чукчи неоднократно обращались к русской администрации Анадырского острога, жалуясь на исключительно трудные условия жизни, особенно в зимнее время, и просили разрешения перейти со стадами оленей на южный берег р. Анадырь. Дело в том, что по северным притокам Анадыря почти нет лесов. Имевшиеся в незначительном количестве леса в поймах этих притоков пригодны были для топлива, но не годились для поделок нарт и других предметов, необходимых в хозяйстве оленеводов. Здесь произрастают лишь ива, ветла, тополь — все мягкие породы деревьев, тогда как береза и лиственница имеются только на южных притоках р. Анадырь и в ее верхнем течении. «А ближние чукчи (к р. Анадырь. — *И. В.*), — писал в 1756 г. начальник Анадырского острога И. С. Шмалев, — просят дозволения поселитца по р. Анадырю для того, что в их жилищах дров нет, а по Анадырю всякого плавнику довольно и ис того плавника им санки делать можно»².

К середине XVIII в. в чукотско-корякских отношениях наметились новые элементы. Начали завязываться дружеские отношения между отдельными группами кочевых коряков и чукчей. В целях закрепления этих связей группа чукчей, кочевавшая в долине р. Канчалан, и группа коряков с верховьев рек Великой и Хатырки договорились о необходимости обмена женщинами. Коряки женились на чукчанках, чукчи на корячках. Ярким выражением налаживания мирных отношений между чукчами и коряками в этом районе служат следующие факты. В том же 1756 г., как сообщал Т. И. Шмалев, «осенью Ивака Лехтелев (корякский «князец») со своею женою, как она была чукоцкой породы, пошел в чукоцкую землю и заключил с чукчами мир, с тем для твердости миру, чтобы чукчи своих детей женили на корячках, а корякам условленность брать чукоцких в замужество...». «Ивака подговорил из чукоц лучших людей Татылгына и Арэлпугу с их родами с женами и детьми и оленными табунами с ним следовать в коряцкую землю»³. В марте 1757 г. в Анадырске стало известно, что «чукчи в сорока трех юртах перекочевали за Анадырь и на Хатырке реке с коряками мирятца и там летовать намерены»⁴. К последней четверти XVIII в. отношения между кочевыми коряками и кочевыми чукчами улучшились настолько, что значительные группы чукчей перешли через р. Анадырь. Здесь они остались на постоянное жительство, заселив долины рек Талкапыгыргын, Мэйцывээм (Великую), отчасти р. Майн с его правыми притоками Варегын, Вылгилвээм, Авган, верхнее и среднее течение р. Хатырки и др. Еще интенсивнее стали проникать оленные чукчи на южный берег Анадыря после упразднения в 1771 г. Анадырского острога.

В конце XIX — начале XX в. к югу от Анадыря сложилось несколько локальных групп чукчей, довольно тесно связанных узами родства с кочевыми коряками. Так, в верховьях Алуки и Пахачи, уже в пределах Корякского национального округа, сгруппировалось около 1000 чел. кочевых

² ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 38.

³ ЦГАДА, портфели Миллера, № 528, т. 11, тетр. 9, л. 46.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 298.

чукчей. Обособилась группа чукчей и в верхнем течении рек Великой, Хатырки, горного хребта Вилюнэй, так называемые Вилюнэйские чукчи (более 500 чел.). Чукчи, кочевавшие по нижнему и среднему течению р. Великой, назывались туманские (около 400 чел.). Ваего-авганская группа насчитывала 130 чел., по р. Березовой кочевало 65 чел., по р. Красной 67 и т. д. Таким образом, в 20-х годах XX в. около 2000 кочевых чукчей осваивали территорию южнее Анадыря. Во всех этих местах они встречали кочевавших здесь ранее коряков, чуванцев. Смешиваясь с ними, чукчи приобретали внешние черты сходства, приближающие их к оленным корякам и чуванцам.

Эти группы чукчей оставались мало изученными. В 1901 г. некоторые из стойбищ по р. Хатырке и по р. Великой посетил проездом с Камчатки В. Г. Богораз⁵. Однако наиболее подробные сведения о чукчах, обитавших южнее Анадыря, были получены лишь во время переписи 1926—1927 гг.⁶ Данные переписи дают представление о хозяйственных занятиях этих чукчей. Нам удалось несколько подробнее ознакомиться с жизнью, бытом и культурой ваегской группы чукчей, как раз тех, предки которых перекочевали сюда в 1757 г.

В настоящее время, в результате коллективизации, основная часть этих чукчей объединилась в колхоз «Путь к коммунизму». Местом для центральной усадьбы колхоза они избрали устье р. Ваеги (Варегины), впадающей в р. Майн с правой стороны. В 1951 г. центральная усадьба колхоза перебазировалась с устья р. Ваеги ниже по течению р. Майн, километров на 50 от того места, где был поселок прежде.

Основную массу населения колхоза «Путь к коммунизму» (60 хозяйств) составляют чукчи: из них 2 хозяйства *тэлкэпылыт* (т. е. с р. Талканыгыргын), а все остальные — *вилюнэйрэмкын* (вилюнэйские чукчи). Кроме чукчей, в этот колхоз входят коряки (5 хозяйств), эвены (15 хозяйств), оседлые чуванцы (2 хозяйства) и несколько семей русских.

На протяжении более двухсот лет ваегская группа чукчей находилась в тесном контакте с кочевыми коряками, отчасти с чуванцами и кероками. Здесь все время шел и идет поныне интенсивный процесс смешения чукчей с коряками. В настоящее время нет ни одной чукотской семьи, в которой не прослеживались бы родственные связи с коряками. Точно так же и корякские семьи имеют родственниками чукчей. Такая тесная взаимосвязь заметно сказалась на физическом облике чукчей и коряков, а также на элементах быта, культуры и языка обеих народностей. Комплекс элементов корякской культуры, который прослеживается у ваегских чукчей, образует особые черты, отличающие этих чукчей как по культуре, так и по языку от всех других.

Проследивание особенностей культуры и языка ваегских чукчей и составляет предмет настоящей статьи. Однако следует оговорить, что не все области культуры ваегских чукчей, которые развивались под влиянием культуры коряков и чуванцев, затрагиваются в данной статье.

* * *

Основным хозяйственным занятием ваегских чукчей являлось оленеводство, дополнительными — рыболовство, пушная охота. Рыболовством занималась в летнее время значительная часть оленеводов, собственно все

⁵ И. С. В до в и п. В. Г. Богораз как исследователь языков народов северо-востока. — «На севере дальнем», кн. 6, Магадан, 1957, стр. 183.

⁶ Сведения о численности, расселении и некоторые другие опубликованы в работе «Итоги переписи Северных окраин Дальневосточного края (1926—1927)», Благовещенск, 1929.

мужчины и женщины, которые не уходили со стадами оленей в горы. Практически каждое стойбище занималось заготовкой рыбы впрок на зиму. В данное время способы добычи рыбы колхозниками существенно отличаются от тех, которые применялись в прошлом. В колхозе организованы рыболовецкие бригады, каждая из них имеет закидной невод и карбас (большая лодка), часто оснащенный мотором.

Однако способы и орудия лова, которыми пользовались ваегские чукчи в прошлом, применяются и теперь в личном хозяйстве колхозников. Пастухи в свободное от работы время ловят преимущественно хариусов и голецов при помощи удочки (*г'эг'эунэн*). К длинному удилицу (3—4 м) (*г'аг'айойпойгын*) привязывается леска, сплетенная из сухожилий или,

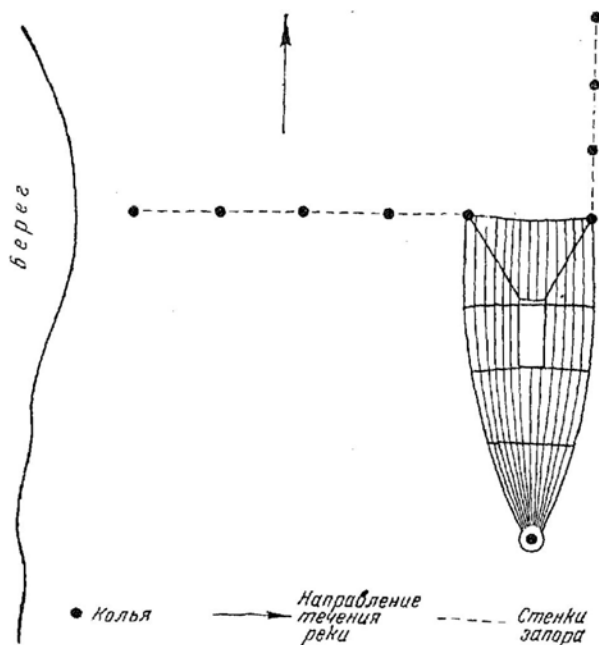

Схема установки запора и морды

чаще, прочная нить (*иңлит*). Чукотская удочка не имеет ни грузила, ни наплава. Крючок делается из проволоки. Та часть его, к которой прикрепляется леска, заливается оловом или свинцом. Таким образом, грузило оказывается как бы приделанным к крючку. Наживой служит кусочек мяса той же рыбы, срезанный из-под нижней губы. Удят чукчи, слегка покачивая удилице, так, чтобы удочка с наживой «играла». Такой же удочкой ловят хариусов и голецов зимой из-под льда. Во льду реки долбит пешней (*тэнпойгын*) лунку (*г'аг'айокагыргын*) и опускают в нее ту же леску с удочкой, только прикрепляется леска не к удилицу, а к короткой (около 40 см) дощечке (*вайпывай*), на которую и наматывается леска.

Наиболее распространен и более эффективен лов рыбы мордой (*атчин-гэң*). На перекатах, перед тихими заводьями, поперек реки на расстоянии 60—70 см друг от друга вбивается прочно ряд кольев. К этим кольям вплотную подводятся и затем течением прижимаются к ним сделанные из прутьев стенки запора (*пэйлол*), каждая длиной около 2,5—3 м. Высота звеньев запора делается разная. Самые высокие не превышают метра и ставятся дальше от берега, более низкие (до 0,5 м) ставятся ближе к берегу. На расстоянии примерно метра от крайнего кола, далее, к середине реки, ставится короткая стенка запора (в 3—4 звена) перпендикулярно к первой.

Таким образом, стенки запора образуют как бы прямой угол. В свободное пространство между первой и второй стенками запора, в основании прямого угла, который они образуют, устанавливается морда входом вниз по течению. Морда плетется до 3 м длины и до 1 м высоты. На утонченном конце ее делается петля, через которую вбивается кол, чтобы морду не сносило течением. При осмотре морды ее не вытаскивают из воды. Попавшуюся рыбу вынимают через отверстие (*кагыргын*), которое делается над входом в морду. Устанавливая стенки запора, осматривая морду, чукчи заходят по пояс в воду. Даже при наличии долбленых лодок-каюков всю работу по добыче рыбы с помощью морды они предпочитают делать, бродя в воде в одежде и обуви. Лишь немногие из чукчей умеют пользоваться каюком. Если им нужно переплыть с одного берега реки на другой, они умело и быстро строят маленький плот (2×1,5) (тымитым)⁷ и плывут на нем, отталкиваясь длинным шестом.

Способ ношения ящика для рыбы

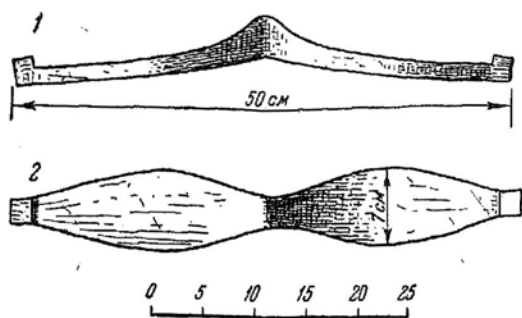
В настоящее время они привыкают пользоваться лодками и каюками. Подобно корякам, иногда сплачивают два каюка для того, чтобы иметь более устойчивое и более грузоподъемное средство передвижения. Спаянные каюки называются *элевит*. Ловят рыбу и сетками (*гиңингиңи*), которые ставят с берега при помощи длинного шеста (*гиңинвичгыңи*) 8—10 м длины. Сети короткие — 7—10 м длины. Один конец укрепляется на берегу, другой при помощи шеста (*гиңинвичгыңи*) выталкивается в реку. К этому концу сети привязана длинная веревка, когда сеть выталкивается в реку, вместе с ней идет и веревка, свободный конец ее остается на берегу. Проверяют сеть, вытягивая ее за этот конец веревки, иногда за верхнюю тетиву. Добытую рыбу с берега к дому переносят в специальных ящиках (*оттеэмтэйолгыңи*), которые снабжены особыми ляжками оригинального устройства. Несколько выгнутая на середине доска, длиной около 50 см, выстругивается в виде соединенных короткой перемычкой лопастей весла. На концах этой доски делаются выступы, на которые надеваются петлями короткие ремни, другим концом прикрепленные к ящику для переноски рыбы. Ящик несут за спиной. Ремель, поддерживающий ящик, надевается на плечи. При этом доска (*летэл*) своими веслообразными половинками опирается на верхнюю часть грудной клетки. Таким образом давление на грудную клетку распределяется более

⁷ *Тымитым* — слово, заимствованное, видимо, как и сам предмет, чукчами от тунгусо-маньчжуров. В эвенском языке плот называется *там*, в эвенкийском и на-цайском — *тэму*.

равномерно и ремень не режет тела. *Летэл* применяется для переноски вообще всякой ноши за спиной⁸.

В основном здесь добывают кету, чиров, нельму. Из кеты готовят пищевую юколу и кормовую — для собак. На первую идут боковины рыбы, а на вторую — голова, позвоночник со спинными плавниками. Для просушки юколы строят вешала (*милкын*).

Помимо заготовки юколы, осенью, когда наступает прохладная погода, рыбу закладывают в специальные ямы (*рыгйолгын*). На возвышенном берегу реки копают яму глубиной от метра и более и шириной 2×2 м, иногда меньше. Дно ямы выстилается прутьями, а стенки ее обставляются

Летэл — приспособление для переноски тяжестей на спине

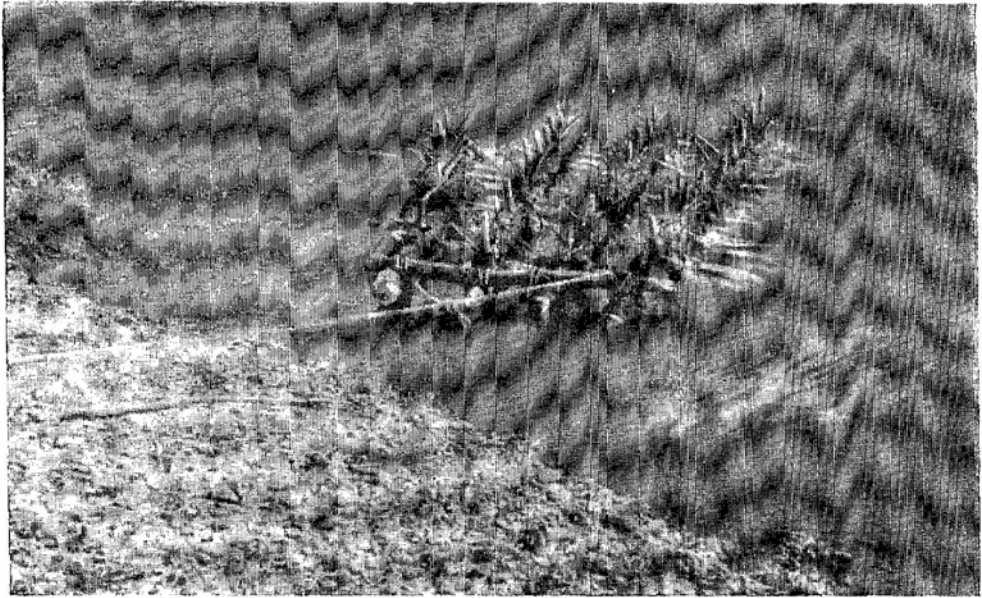
прочными палками для предохранения от оползающей и обваливающейся земли. Затем яму закрывают бревнами и засыпают их сверху слоем земли. В середине этого покрытия оставляется отверстие, через которое наполняют яму кетой осшей добычи. Наполнив яму, отверстие прочно закрывают. Через это же отверстие достают рыбу весной. В яме рыба подкисает (*сичг'ыннээн*) и идет на корм собакам весной, а частично в пищу людям. В про-

шлом оленеводы готовили в основном юколу. Наиболее бедные заготавливали и квашеную рыбу. Когда выпал снег, юколу грузили на олени нарты (*рэпалкоолгын*) в особых мешках (*ңыркыр*), сшитых из оленьих кож летнего убоя оленей. Мешки эти шили по размеру грузовой нарты. В течение зимы юкола служила подспорьем в питании оленеводов.

В колхозе рыбу добывают неводами. Бригады рыбаков находятся в разных местах, некоторые далеко от центральной усадьбы. Основная обработка рыбы (копчение, подсаживание рыбы на юколу) производится на центральной усадьбе. Иногда добытую вверх реки рыбу доставляют на центральную усадьбу на особых плотках оригинального устройства. Плот состоит из четырех сухих бревен, связанных прутьями с одного конца так, что в месте связи одно бревно отстоит от другого на 25—30 см. Другой конец бревен плота свободный. На воде плот имеет вид усеченного треугольника. В каждое бревно плота вбивается до 10—12 прочных деревянных клиньев, возвышающихся над бревном на 20—25 см. Добытую кету через жаберные отверстия панизывают на тальниковые прутья по 10 штук. Концы прута связываются, образуя кольцо. Такие связки надевают на клинья в бревнах. Одну — на правую, другую — на левую, и так на каждый клин. Таким образом, на одно бревно навешивают 200—220 штук кеты. На одном таком плоту приплавили сразу 800 штук кеты. Этот плот буксировала моторная лодка.

В настоящее время в колхозе рыбу, парезанную для юколы, немного подсаживают, держат в течение 20—30 минут в крепком тузлуке, а затем вывешивают на вешала, под которыми разводят костер-дымокур. Так юкола провяливается и одновременно немного коптится. Получается копченая боковина. Часть юколы готовится в пресном виде, т. е. так, как готовили ее местные жители прежде. Они заготавливали и рыбий жир (*мынымыткымыт*). При заготовке юколы внутренности рыб собирали

⁸ См. W. Jochelson. The Koryak. N. Y., t. VI, part I, 1908, p. 605—606.

Плот для транспортировки рыбы

в котлы и затем варили с добавлением небольшого количества воды. Вытопившийся жир снимали и сливали в оленьи желудки, специально заготовленные для этого. Зимой этот жир употреблялся в пищу и на освещение полога (горел в жирнике-плошке).

Орудия рыболовства, способы рыбодобычи, приготовление рыбы впрок, средства передвижения по воде — все это точно такое же, как у апукинских, алюторских и, отчасти, кочевых коряков. Вся терминология этих чукчей, связанная с рыболовством, совпадает с корякской. Таким обра-

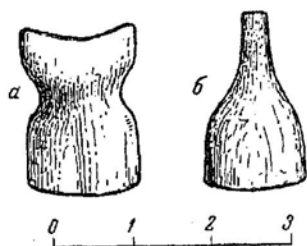

Яранга

зом, есть все основания полагать, что культура рыболовства этой крупной чукчей в значительной ее части позаимствована у коряков. Необходимо, однако, оговорить, что некоторые из описанных выше способов добычи и обработки рыбы были известны и широко применялись оседлым населением Анадыря (юкагирами, чуванцами)⁹.

Черты сходства культуры ваегских чукчей с культурой коряков прослеживаются не только в рыболовстве.

Яранги ваегских чукчей обнаруживают полное сходство с ярангой кочевых коряков. Форма яранги представляет собой значительно округленную поверхность, вершина которой находится

Шашки:

а — женская фигура; б — мужская фигура

чукчей покрывка шатра имела форму круга с вырезанным сектором. Яранги ваегских чукчей большие. В них ставится, как и у коряков, иногда по два и даже по три полога. Пологи и зимой и летом ставят мехом наружу, опять-таки как у коряков.

Почти полное совпадение оказывается в одежде этой группы чукчей с коряками. Прежде всего это относится к «стаканчикам», ровдужным камлелям, к кухлянкам. Можно указать еще на такой факт, сближающий ваегских чукчей с коряками. Подобно последним, ваегские чукчи сжигают своих покойников.

До недавнего времени многие семьи ваегских чукчей имели по два бубна. Один — коряцкого типа, большой, без рукоятки, с широкой обечайкой, металлическими погремешками, двумя перекрещивающимися над серединой ремешками, за которые бубен поддерживался, и другой — чукотско-эскимосского типа, с рукояткой, меньшего, сравнительно с первым, размера, с узкой обечайкой, без всяких погремешек. Первый бубен (коряцкого типа) использовался при шаманских камланиях, второй тип бубна *мңикин*, т. е. праздничный, употреблялся во время игр и танцев¹⁰.

При всех национальных играх, которые сохранились здесь, играющие делятся на две партии: мужскую и женскую. Так, игра в мяч (*қапловэчватгыргын*) начинается в женской группе. Мужчины нападают и отнимают мяч. В свою очередь, женщины нападают на группу мужчин, забирают у них мяч и т. д. Игра перетягивание каната (ремня) (*нилгыл нг'арэчтқән*). Играющие (состязающиеся) делятся также на мужскую и женскую «команды». Женщины берут за один конец ремня, мужчины — за другой и тянут, каждая «команда» в свою сторону.

Среди местных чукчей распространена игра в шашки (*чыумэт*), подобная той, которая существует среди коряков. Фигуры пешек делают двух

⁹ Г. Дьячков. Анадырский край. Рукопись жителя села Марково. — Записки общества изучения Амурского края, т. II, Владивосток, 1893.

¹⁰ Г. Дьячков отмечает наличие двух бубнов у чуванцев. «Бубны бывают двух родов (видов), — писал он, — один употребляется при шаманстве, а другой при обыкновенных забавах или играх. Последний бубен имеет форму правильно круглую без оси или ремешка» (Г. Дьячков. Указ. соч., стр. 131).

родов: мужские, которые называются *қлигчумэт* (букв.—мужские пешки) и женские, называющиеся *қэвчумэт*. Каждая партия пешек отличается по форме. На одной стороне доски выставляются *қлигчумэт*, на другой — *қэвчумэт*. С каждой стороны по девять фигур.

У ваегских чукчей изменились некоторые общественные институты, по-видимому, под влиянием той новой обстановки, в которой они оказались, в частности — несколько изменилось наследственное право. Новорожденному сыну отец оленей не дарил и телятам не ставил тавро сына, как это было распространено среди северных чукчей. Впервые отец разрешал сыну поставить свое тавро (на ухе оленя) лишь тогда, когда сын начинал самостоятельно пасти оленей, когда он сам мог поймать оленя и сделать тавро. Только самый младший сын получал в наследство оленей с тавром отца. Дочери не имели своих оленей. Вообще, женщина не имела своего тавра. Дочь получала в подарок от своих родителей важнку только тогда, когда она выходила замуж. Если в числе детей были только одни дочери, то отец, выдавая их замуж, наделял небольшим количеством оленей каждую, преимущественно неплодовыми. Самая младшая оставалась при отце. Зять входил в дом и становился хозяином стада.

Среди ваегских чукчей было распространено многоженство (*лымыльын* — двоеженец, *қронлымыльын* — троюженец и т. д.). Жены друг друга называли *қавыл* — подруга — или просто по имени. Дети от разных жен пользовались одинаковыми правами. Если умирал многоженец, младшие жены вместе со своими детьми уходили в дом своих родителей. Старшая жена оставалась вместе со своими детьми и становилась хозяйкой стада, жилища и всего имущества. Право на получение оленей из стада отца сохранялось за всеми его сыновьями, даже и в том случае, если они малолетними после его смерти были увезены матерью на другое стойбище и воспитывались отчимом. Становясь совершеннолетними, т. е. работоспособными, они получали свою долю оленей из стада отца. Дочери не имели права наследовать имущество отца¹¹.

Новорожденным мальчикам давалось имя предка только с отцовской стороны, тогда как девочкам можно было давать имя предка и со стороны матери.

Отмеченные факты свидетельствуют о значительных отклонениях в правовых нормах и некоторых обычаях у этой группы в отличие от других групп чукчей. Эти отклонения сближают их, опять-таки с коряками.

Физический облик ваегских чукчей имеет заметные отличия от север-

Старик чукча

¹¹ Ср. В. Г. Богораз-Тан. Указ. соч., стр. 190—191.

Чукча в зимней одежде

ных. Почти все мужчины носят усы, а некоторые и бороды. Национальная прическа мужчин у всех одинакова. Волосы на голове или бреют или низко стригут, лишь на макушке оставляют пучок волос, вроде оселедца.

Не менее убедительные факты, свидетельствующие о глубоком влиянии на эту группу чукчей их непосредственных соседей — оленных коряков, обнаруживаются в языке. При сохранении в основном чукотского языка, ваегские чукчи усвоили ряд особенностей, характерных для корякского языка, что прослеживается в фонетике, морфологии и лексике. Получилось своеобразное вплетение элементов корякского языка, благодаря чему образовался особый говор чукотского языка, отличный от говора северо-восточных чукчей, но приближающийся по некоторым элементам (фонетическим) к говору западной группы чукчей и к говору чукчей, обитающих по Хатырке (Ватыркан), Мэльвуэем, Апуке, Похаче, Ветвею.

Вместе с тем, фонетические особенности речи ваегских чукчей сближаются с некоторыми фонетическими особенностями речи кочевых чуванцев, говорящих на особом диалекте корякского языка. Возможно, что одним из составных элементов ваегских чукчей были кочевые чуванцы. Это тем более вероятно, что их места кочевий тесно соприкасались с местами кочевий и чукчей и коряков в районе рек Майна, Яблона и верховьев Пенжины, а также на Парапольском доле.

При наличии того же фонемного состава, что у северных чукчей, в языке ваегских чукчей действуют несколько отличные закономерности, в частности, ассимиляция согласных. В этой части говор ваегских чукчей сближается с языком коряков.

Сочетание *m + l* в северных говорах не дает ассимиляции, а в говоре ваегских чукчей это сочетание дает *ml*:

<i>В северных говорах</i>	<i>У ваегских чукчей</i>	<i>Значение</i>
ытлѣн	ыллѣн	он
ытлыгын	ыллыгын	отец
ытля	ылля	мать
мытлыцѣн	мыллыцѣн	пять
пѣтлѣ	пѣллѣ	скоро
этлы	эллы	нет

Сочетание *l + p* в говоре ваегских чукчей дает *ll* или *pp*:

этлрэмкын	этллэмкын	юкагиры
палрамкын	палррамкын	жители Парапольского дола

Сочетание *ң* + *n* дает *мн*:

этэңпинтэкэткэ	этэмпинтэкэткэ	не хорошо прыгнул
таңпынлылтын	тампынлылтын	человек с хорошими вестями

Сочетание *к* + *е* дает *ве*:

каракварат	каравварат	кереки
------------	------------	--------

Сочетание *т* + *р* дает *рр*:

ытрэч	ыррэч	только
ыттрэтэгын	ыррэтэгын	самый лучший
мытрэткуцын	мыррэткуцын	мы уничтожим их
кыррэл	кыррэл	лоб

В языке, на котором говорят кочевые чуванцы, сочетание *рр* встречается также довольно часто, например: вместо *ылла*, они говорят *ырра* (мать) и др.

Фонеме *р* чукотского языка в чавчувенском диалекте корякского языка часто соответствует *й*. То же можно отметить в некоторых словах говора ваегских чукчей: рытриррын — йыррыррын — нить из сухожилия оленя; рытралгын — йырралгын — легкое (орган);

Сочетание *n* + *ң* дает *мң*:

кытэпңыттыльо	кытэмңыттыльо	добытчики горных баранов
---------------	---------------	--------------------------

Для ваегского говора характерно чередование *т* ~ *р* в основе личного местоимения второго лица, когда оно присоединяется к глагольной или именной основе:

Эткувйигыт	Эткувйигыр	Эткувйи ты (имя собственное)
кымиңыгыт	кымиңыгыр	мальчик (ты)
ныңиныгыт	ныңиныгыр	молодой (ты)
ыныначгэгыт	ыныначгэгыр	старик (ты)
кэглинангыт	кэглинангыр	действительно, правда
тивыркынигыт	тивыркынигыр	я говорю тебе

Как и в чавчувенском диалекте корякского языка, в говоре ваегских чукчей показателем второго и третьего лица ед. числа прошедшего времени служит суффикс *-и/-э*, а *не-гъи/-гъэ*, как в северных говорах чукотского языка.

В северных говорах	У ваегских чукчей	Значение
нг'элгъи	нг'эли	стал (вспомог. лаг.)
тыттэтгъи	тыттэти	подняться (на гору, по лестнице)
пыкиргъи	пыкири	пришел
пэнрыткогъэ	пэнрыткоэ	погнался, бросился
таалгылятгъэ	таалгылятэ	оглянулся.

Говор ваегских чукчей сближается, как уже отмечалось выше, с северо-западным говором чукотского языка. Это сближение обнаруживается в выпадении звука *т* в середине слова, в замене его гласным, в стяжении слова:

йылкэтыркын	йылкээркын	спит
вэнратысқэвынвы	вэнраасқэвынвы	на помощь
эргыпатыркын	эргыпааркын	приходит весть
итыркын	ирыркын	имеется, есть.

К числу морфологических особенностей говора ваегских чукчей следует отнести наличие в нем особой формы сопроводительного падежа, которая распространена в корякском языке и отсутствует в говорах чукотского языка. Это так называемый Сопроводительный II. Данная падежная форма образуется присоединением к основе имени существительного префикса *гэйкы-/гайкы-* и суффикса *-э/-а* или *-тэ/-та* (что зависит от конечного звука основы). В говоре ваегских чукчей показателями Сопроводительного II служат префикс *гайкы-* и суффикс *-ма*. Например: *Пэкувьяч гайкықо-лема пэкрытқоэ ақалэты*. «Пэкувьяч с криком бросился на врагов'».

Встречаются и другие морфологические заимствования из корякского языка.

Заметно также влияние корякского языка на лексику ваегских чукчей. Это влияние легко прослеживается на терминологии, связанной с орудиями и средствами рыболовства, и в некоторых других областях материальной и духовной культуры.

Однако, фонетически, часто такие заимствования переработаны применительно к нормам чукотского языка (гармония гласных, появление звука *p* на месте звуков *й* и *ч* диалекта оленных коряков и т. п.).

Так, например:

элевыт	спаренные два каюка для пере- возки груза	г'эг'эунэц иңлит упгэв	удочка прядево кол
калал	горбуша (рыба)		
гуйкэтуй	щука	нымным	народ, населе- ние, группа
пэлийол	стенка запора на рыбу		людей, поселок
атчынгэң	морда	оррокыр вэкытгын	оса сорока
пиркык	прятаться		
иррэт	отряд	какач	кедровка
качгал	старый олений бык	вэткагыргын эчгэтыргын	помеха крутой склон
кэввынтюк	смеяться		горы
гымо	я		
гыто	ты		

Таким образом, на протяжении 200 лет, которые прошли со времени проникновения чукчей южнее Анадыря, у них сложились локальные особенности культуры. На формирование их оказала заметное влияние культура коряков. В свою очередь, чукчи также оказали заметное влияние на соседних коряков. Это влияние сказалось как на материальной, так и на духовной культуре и языке коряков. В местах совместного обитания чукчей и коряков как бы сглаживаются некоторые особенности их культуры и получается нечто новое, общее для тех и других.